

**марина
БОРОДИЦКАЯ**

крутится-
вертится

Поэтическая библиотека (Время)

Марина Бородинская

Крутится-вертится (сборник)

«WebKniga»

Бородицкая М. Я.

Крутится-вертится (сборник) / М. Я. Бородицкая — «WebKniga»,
— (Поэтическая библиотека (Время))

ISBN 978-5-9691-1137-0

В новую книгу известного поэта и переводчика Марины Бородицкой вошли избранные стихотворения из ранее вышедших сборников и стихи последних лет, уже знакомые читателю по подборкам в литературных журналах, а также публикуемые впервые. В стихах Бородицкой – улыбчивых и горьких, жизнерадостных и пронизанных нежной иронией – всегда есть свежесть мысли и яркость чувства, а её интонационную поэтику отличает оригинальность рифмы, живой разговорный язык. По словам Дмитрия Сухарева – «Всё тут точно, всё достоверно, всё чарует...».

ISBN 978-5-9691-1137-0

© Бородицкая М. Я.
© WebKniga

Содержание

О стихах Марины Бородинской	6
Я раздеваю солдата	7
«Какой недужный, бледный вид...»	7
«Опять, опять дворами, вдоль помоек...»	9
«Дюймовочка, Снегурочка...»	10
«Гляжусь я в память: что мне зеркала!...»	11
Из Китая	12
«Заземлите меня, заземлите...»	13
«Когда-то, когда я была и жива, и права...»	14
Первый класс	15
Учительский сон	16
«Я когда-то жила от звонка до звонка...»	17
Холода	18
«Возьми меня в ученики...»	19
«Единобожие не было богом в моем доме...»	20
Перевод с английского	21
Будущему сыну	23
«А был ты не друг, и не сват, и не брат...»	24
«Белокурый, белокрылый...»	25
«О девочке смуглой и смелой...»	26
«Я раздеваю солдата...»	27
Польская песенка	28
«Американское кино...»	29
Как я седлаю лошадь	30
«Косынка, пижамка, пелёнка...»	31
«Как пахнут морем и жасмином...»	32
«Катятся праздники – лишь поспевай...»	33
«Я говорю себе: ровней дыши...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Бородицкая

Крутится-вертится

В оформлении использованы рисунки Евгении Двоскиной

© Марина Бородицкая, 2015

© Дмитрий Минеев, оформление, 2015

© «Время», 2015

* * *

О стихах Марины Бородинской

Это удивительное сочетание мужества, нежности и абсолютной, звонкой ясности смысла. Марина умеет взглянуть окрест взглядом начисто лишённым поэтического дурмана, той бормочущей кисеи, в которую обычно запелёнуто сознание робких поэтов. Она как бы не зависит от поэтических средств, хотя владеет этими средствами весьма умело.

Дина Рубина

Горьких, саднящих, заплаканных стихов в книге Бородинской не меньше, чем улыбчивых, а то и вызывающе хохочущих. Зачастую (если не сказать – как правило) это одни и те же стихи...

Нет ничего смешнее надежды всё-таки выкупить из рабства Эзопа, добиться сказочной и никого не ранящей любви, превратить старость в детство, сохранить при любой погоде грациозную стать Керубино, спасти короля Лира и графа Глостера... Но оказывается, всё это можно. То есть нужно. Нужно до тех пор, пока не оставила поэта дурацкая привычка быть счастливой.

Андрей Немзер

Стихи Марины Бородинской ни на что не похожи, в них – оригинальность живой рифмы, объёмной, геометрической, не всегда рамочной, часто внутренней, благодаря которой текст как бы распускается, расцветает изнутри. Эта неуловимая рифма наращивает дополнительные эмоциональные оболочки и словно окутывает слова светом.

Анастасия Петрова

Школярское озорство, нежная ироничность, какая-то языческая жизнерадостность и разговорные по преимуществу конструкции предложений – вот интонационные особенности поэтики автора... Есть ощущение гармонии, выращенной из разочарования. Преодолённого интонацией.

...Стихи эти сохраняют «стойкость веселья» вопреки всему, что встаёт за строками: расставанию, боли, тоске. Традиционность формы не мешает Марине Бородинской добывать новые смыслы, интонационно освежать старые; в лучших стихах вспыхивает новорождённость мироощущения, не инерционного, а созревшего внезапно, в момент написания.

Анастасия Ермакова

Произнесём почти забытое, давно охаянное слово: очарование. Всё тут точно, всё достоверно, всё чарует. И будни окликают вечность.

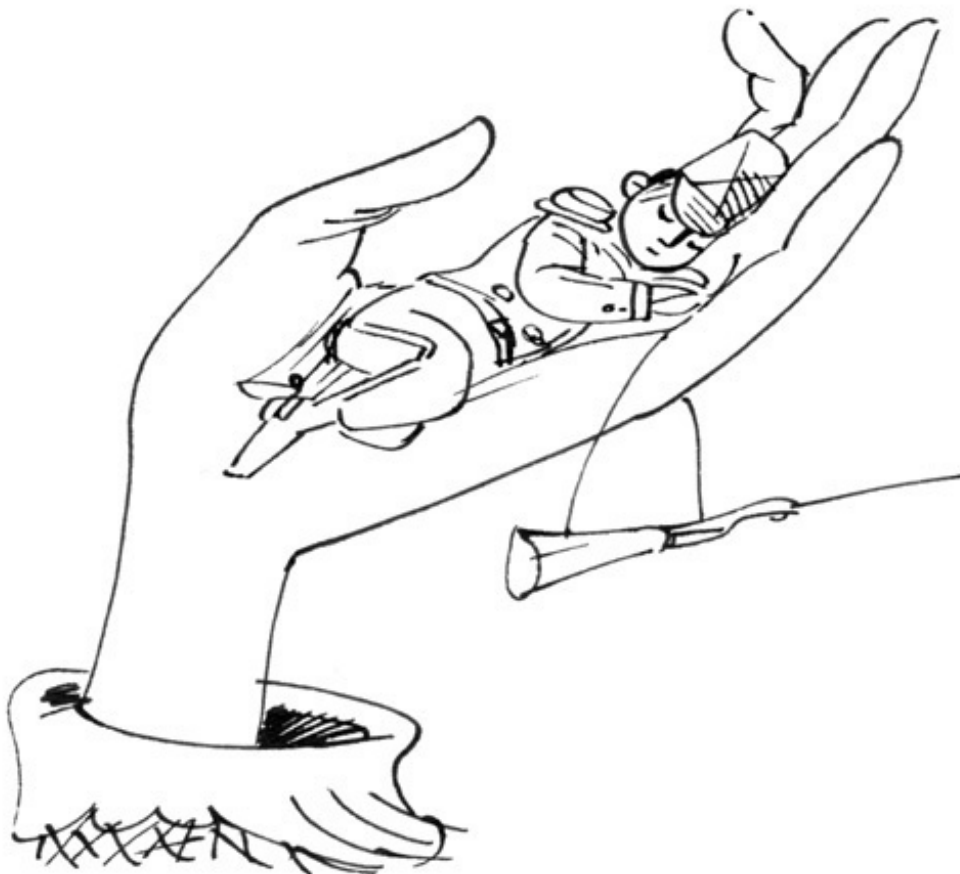
...Предельно жёсткий взгляд, ледяной, не оставляющий шанса. И он же волшебным образом обогрет, так что в конечном счёте верх всё-таки берут сияние, и упование, и страсть.

Дмитрий Сухарев

Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать поэзию Марины Бородинской... я остановился бы на таком варианте – штучность.

Леонид Костюков

Я раздеваю солдата 1994

«Какой недужный, бледный вид...»

Какой недужный, бледный вид
У наших первых публикаций!
В них зябко жмётся алфавит,
Боясь о воздух обстрекаться.

У переносенных детей
От недостатка кислорода
Ты видел, лекарь-грамотей,
Синюшность этакого рода.

О, этот страх, что вышел срок,
Стажёр с улыбкой крокодила
И сонной нянечки упрёк:
«Э-э, матушка! переходила...».

«Опять, опять дворами, вдоль помоек...»

Опять, опять дворами, вдоль помоек,
Обидою прерывисто дыша,
Вдоль жёлтеньких бахрушинских построек
Без спросу загуляется душа.

Отброшена взыскательной любовью,
Она утянет тело в те края,
Где в детстве научили сквернословью,
Где не смыкались школа и семья,

Где с крыш зимой съезжали, застревая
На жёлобе, – и знали наперёд,
Что вывезет московская кривая,
Бахрушинская лихость пронесёт...

И вывезла! до самых новостроек,
И пронесла – над самой пустотой!
Да фиг теперь найдёшь среди помоек
Хотя б клочок уверенности той.

«Дюймовочка, Снегурочка...»

Дюймовочка, Снегурочка –
Изгваздана в снегу,
Бахрушинская дурочка,
В слезах домой бегу.

А дома – ноты стопкою
Да книжные тома,
А дома спросят: «Кто тебя?» –
А я скажу: «Сама!».

«Вольно ж тебе с хулиганьём!» –
В сердцах воскликнет мать,
Но дед покажет мне приём,
И я пойду опять...

А у татарки-дворничихи
Трое татарчат,
Они с утра в окне торчат
И гадости кричат.

А Санька, белокурый бог,
Заедет мне под дых!
А что приём, когда врасплох?
И мне никак не сделать вдох,
Не добежать до них...

Но крыша возле чердака
Звенит, как зыбкий наст,
Но чья-то грязная рука
Скатиться мне не даст, –

И я вдохну все звуки дня,
Весь двор – со всех сторон,
И никогда уж из меня
Не выдохнется он!

«Гляжусь я в память: что мне зеркала!...»

Гляжусь я в память: что мне зеркала!
Да, в память, в перевёрнутый бинокль,
Нацепленный на временную ось.

Вот это юность – в лаконичной юбке
Шагает переулками: душа
И тело – точно певчие пружинки.

А дальше – детство, вот оно сидит
В углу за шкафом, утирая сопли
Полою мушкетёрского плаща.

А дальше? Несомненно. Вон оно!
Почти за горизонтом! Меньше точки!
Так далеко, что не хватает глаз!

Там тоже я, но только в прошлый раз.

1980

Из Китая

Треск резинки – и взлетает
Резкий, хрупкий вертолёт.
– Пап, откуда?! – Из Китая.
Пятьдесят девятый год.

Зонтик лаковый, бумажный
В трубку толстенькую сжат,
И шуршит на кукле важной
Неснимаемый халат.

Круглый веер с веткой дуба:
Шёлк натянут – в пальцах зуд,
Но сияя белозубо,
Кеды взнузданные ждут!

Воспитательница Сяо
В детской книжице жила:
С детских слов письмо писала,
Тонкой кисточкой вела.

С папой книжку полистаю,
Суну нос в цветочный чай...
Я когда-нибудь слетаю
В этот праздничный Китай!

«Заземлите меня, заземлите...»

Заземлите меня, заземлите,
я больше не буду!
Ну, смеялась над физикой –
так не со зла ж, не назло!
Я не верила, что электричество
водится всюду,
Чуть притронулась – и затрещало,
и всю затрясло.

Кареглазый учитель, явись
из глубин лаборантской,
Что-нибудь отключи, расконтачь,
эту дрожь пресеки!
Никогда я поступок свой не повторю
хулиганский –
Не дотронусь
до юной твоей долгопалой руки.

Заземлите меня!
Если надо – землёй закидайте:
Я читала, ударенных молнией
можно спасти!
Ну хотя бы учебник,
учебник по физике дайте –
Там уж, верно, укажут,
куда мне заряд свой нести...

«Когда-то, когда я была и жива, и права...»

Когда-то, когда я была и жива, и права,
И ластилось солнце ко мне на последнем уроке, –
И сами, как в сказке, меня находили слова,
И сами же строились
в сказочно стройные строки.

А я удивлялась – а я их совсем не звала!
Лениво черкала
в тетрадках для лекций не важных,
В кафе возле липкого от лимонада стола –
На пачке «Столичных»,
на хлипких салфетках бумажных.

Теперь – погляди же, мой глупый,
счастливый мой брат,
Которого ищут слова –
и записывать лень их –
Вот я, разложив безнадежно
бумажный квадрат,
Как чеховский Ванька, стою перед ним
на коленях.

1980

Первый класс

В каморке за шкафом, исконно моей, –
Сестрёнка грудная и мама при ней.

Сестрёнка кряхтит и мяучит во сне.
С отцом на диване постелено мне.

...Опять среди ночи вопьётся в мой сон
Тот сдавленный вой, тот мучительный стон –

«Огонь!» – он кричит, он кричит на меня –
Боится огня или просит огня?

«Огонь!» – он кричит, я его тормошу,
Зову и реву и проснуться прошу...

А утром он чайник снимает с огня,
В колготки и платье вдевает меня,

Доводит во мраке до школьных ворот
И дальше, сутулясь, со скрипкой идёт.

Учительский сон

Мне как-то снилось: я иду большая,
Как старшеклассник в стайке первачков,
Ладонями небрежно пригашая
Блеск чьих-то лысин и седых пучков.

Я перешагиваю мостовые,
Маячу в небе, как громоотвод,
И тычутся автобусы живые
Горячими носами мне в живот...

Будильник. Транспорт. Снова я зажата,
В лицо мне – спин ворсистая броня.
А милые мои акселераты
Всё дальше вверх уходят от меня.

1980

«Я когда-то жила от звонка до звонка...»

Я когда-то жила от звонка до звонка:
От звонка твоего до звонка.
А теперь телефонная трубка легка
И спокойная медлит рука.

В том нежнейшем июне, в начале начал
Я б могла, как челнок о причал,
Грохнуть тот телефон, чтобы он не молчал,
Чтобы он навсегда замолчал!

...Ах, как трубка легка, как спокойна рука –
Мне б на место того дурака,
Что сегодня живёт от звонка до звонка:
От звонка моего до звонка.

1980

Холода

Не выйдет амнистии нам от зимы,
И солнце о нас позабудет.
Читаю, читаю над всеми дверьми:
«Нет выхода». Что ж это будет?

Я помню, я помню, бредя по пустой,
Просвистанной парковой зоне,
Как лопнула склянка с замёрзшей водой,
Оставленная на балконе.

...Здесь лыжники спросят, по насту шурша:
«А эта фигура откуда?»
А это – моя голубая душа,
Принявшая форму сосуда.

1981

«Возьми меня в ученики...»

Возьми меня в ученики
И говори мне: мальчик.
Мне все прозвания велики,
Ты говори мне – мальчик.

Ты в заклинаньях знаешь толк
И в древних тайных чарах,
А я умею кланчить в долг
У лавочников старых!

Когда зайдёшься ты тоской
В своей холодной мастерской
Среди пустых бутылок –
Пусть он будет под рукой,
Пушистый мой затылок.

Себе на кисти отбери
Помягче завитушки,
И краску с пальцев оботри
О кудри на макушке.

Я стану грунтовать холсты,
Проклеивать картонки
И даже, коль захочешь ты,
Оденусь, как девчонки.

Мне только ждать твоей руки,
Держаться к ней поближе...
Возьми меня в ученики.
Возьми меня.
Возьми же!

1981

«Единого не было бога в моем доме...»

Единого не было бога в моем доме:
Яриле, Зевсу, Тору – и никому!
И если Символ Веры я перейму,
То я из уст твоих его перейму.

Три тыщи язычников –
родом из наших мест.
Три тыщи безбожников –
вышло из наших мест.
И если я когда поцелую крест,
То я на твоей груди поцелую крест.

1980

Перевод с английского

Шпагу мне! Я сегодня играю
влюблённого лорда,
Он прощается с милой,
поскольку идёт на войну.
Он ей пишет стихами: не плачь, мол,
решился я твёрдо,
И других не люби,
а вернусь – я бока им намну.

Впрочем, что я! Отставить! Он пишет:
«Прощай, дорогая,
Слёз жемчужных не трать –
лучше бусы из них нанижи,
Но верни моё сердце,
чтоб радостно шёл на врага я,
И, как ладанку, в бой
мне сердечко своё одолжи...»

Так он весело, лихо, красиво
бумагу марают!
Этот странный, старинный костюм
я примерить должна:
Мне к лицу и трико, и колет,
а жабо натирает,
Мне идёт этот слог и размер,
только рифма тесна...

Ну же! – лихо, легко и отвесно,
как в воду вонзиться,
И свободней, свободнее,
с радостью в каждом персте,
И уже не лицо моё –
облик иной отразится
В этом дьявольском зеркале,
в белом бумажном листе!

Мёртвый лорд подбирает на лютне
мотивчик весёлый,
Триста лет его нет, а гляди,
всё такой же шальной.
...И однажды, одетая мальчиком,
вскрикнет Виола:
«Это ты, Себастьян? Ты воскрес
и вернулся за мной!»

1981

Будущему сыну

Мне жить так ярко – будто кистью,
Зажатой в детском кулаке:
Дни – в солнце, цвета спелых листьев,
А сны – на лунном молоке.

Как зыбко, милый, как нетяжко!
И я всё проще и звучней
Пою... пою, как неваляшка,
От сладкой тяжести твоей.

1978

«А был ты не друг, и не сват, и не брат...»

А был ты не друг, и не сват, и не брат –
Ведро мне донёс от колодца.
И был ты улыбчив, кудряв и женат,
А вспомню – душа рассмеётся:

Какое нас ведро застигло врасплох,
Какая весёлая сила!
И имя твоё означало – «как бог»,
А отчества я не спросила.

И не было к ночи незваных гостей,
И я не сказала «не надо»,
И было у нас девяносто детей –
Аж два пионерских отряда.

Был хлеб из столовой, и чай для питья,
И общие песни для пенья,
И с круглою раной гитара твоя,
Дрожащая от нетерпенья.

Не болью, не варварством, не воровством
Осталось, лишь тайным богатством,
Лишь радости с радостью кратким родством
И кровосмесительным братством!

Лишь стойкость веселья, да скудость вестей
Осталась, да песня – примета, –
Да где-то живут девяносто детей,
Что нашими были всё лето.

«Белокурый, белокрылый...»

А. И.

Белокурый, белокрылый
Парикмахер молодой,
О, взгляни на хвост унылый,
На подшёрсток мой седой!

Кипятком наполни чашу,
Трав иранских замеси,
Завари со мною кашу,
Из промёрзших воскреси.

Долгоногий, долговласый,
Пробуждённый до зари,
В зеркалах проделай пассы,
Жизнь из мрака сотвори.

Ножниц хищное круженье,
Солнечная благодать...
Я готова постриженье
И помазанье принять.

И восстав с лицом нахальным,
С невесомой головой,
Покачусь яйцом пасхальным
По московской мостовой!

«О девочке смуглой и смелой...»

О девочке смуглой и смелой,
О девочке резкой, как стриж,
Мне солнце по крышам гремело,
Шуршала шершавая тишь:

О пряменькой, высоконогой,
С мальчишеской стрижкой в кружок,
О девочке сильной и строгой,
Прекрасной, как точный прыжок.

Все десять литых полнолуний
Она восходила во мне –
Гимнастка, танцовка, молчунья,
И вот я твержу в полусне:

«Любовь моя! Видишь – спросонок
Июльской зари розовой,
Накуксенный круглый совёнок
Расселся в кроватке твоей...»

Но нет, её легкая зыбка
Всё так же пуста и чиста,
Сквозит в зазеркалье улыбка
Её негритянского рта,

И я говорю, обеднелый
Загад зажимая в горсти:
«Как девочка, сильный и смелый,
Как девочка, сын мой, расти!»

1984

«Я раздеваю солдата...»

Я раздеваю солдата,
Спящего праведным сном.
Вот кобура уже снята
И гимнастёрка с ремнём.

Я раздеваю солдата –
Как же ещё поступать?
Легче ведь без автомата,
Да и без обуви спать.

Я раздеваю солдата
Прямо-таки до белья.
Знаю, скандалом чревата
Бесцеремонность моя.

Я поднимаю солдата,
Спать уношу без помех...
Боже, всего и труда-то!
Я их раздела бы всех.

Польская песенка

Мой единый, коханный, бессонный,
Скоро ль милой меня назовёшь?
А не то я умру некрещёной –
Тяжкий грех ты на душу возьмёшь!

Не любви я прошу, не участия –
Поцелуя да ласки на грош...
А не то я умру без причастья –
Тяжкий грех ты на душу возьмёшь!

Матка Боска! Немножечко воли
Мне позволь в этом мире простом,
А за это в холодном костёле
Пролежу я три ночи крестом.

Пол в костёле камнями мощённый,
И в простудном, бесстыдном жару –
Причащённой, крещёной, прощённой,
Со спокойной душою умру.

1981

«Американское кино...»

Американское кино
Ты пересказывал по-польски.
В пустом Смоленске – как хмельно
Кружил нас древний фильм ковбойский!

И слышал сумрачный собор,
И видели со стен монахи
Твой католический напор,
Мои языческие страхи.

О Езус, это был подвох!
Кренился поезд угорелый,
Я знала: главный польский бог
Крылат и носит лук и стрелы.

Я знала: в имени твоём –
Походный стан, хмельная слава,
Ты пел: «Средь гор, средь гор мой дом...»,
В окне Москва вставала справа.

С тех пор средь гор, в твоём краю,
Где может всякое случиться,
Улыбку влажную мою
Ты носишь в ямке над ключицей.

С тех пор, куда бы день ни влёл,
Ко всем занятиям и понятиям
Ношу твой взгляд – как уголёк,
Вот тут, на шее, под распятием.

Как я седлаю лошадь

Я сую лошадке трензель,
А лошадка не берёт.
Трензель – это вам не крендель,
А совсем наоборот.

Трензель – это железяка,
Это просто удила.
Я сую лошадке сахар –
Сахар, умница, взяла!

Я сую лошадке трензель,
Нажимаю на губу...
У неё, как будто вензель,
Метка белая на лбу.

Я топчусь, лошадка рада:
Не берёт – и все дела.
Молодец! Так мне и надо!
Я б давно уже взяла.

«Косынка, пижамка, пелёнка...»

Косынка, пижамка, пелёнка,
Прохлада, как в летнем лесу...
Я выкупанного ребёнка
В постель на закорках несу.

Сердитого, тёплого зайку
Из ванной везу на спине –
Коленки сквозь нежную байку
Под рёбра втыкаются мне.

Пусть лошадь и кормлена худо,
И масти довольно простой,
А всадник не тянет и пуда –
Зато он сидит как влитой!

И будет наездник он добрый:
Недаром же дал мне Господь
Отличные, прочные рёбра,
Практичную, лёгкую плоть.

Ни роста, ни стати, ни пыла,
Ни прочих изящных затей –
Одна лошадиная сила
Досталась породе моей.

На нас сэкономлены средства,
Зато нам легко на земле:
Ведь мы – переносчики детства,
Мы учим держаться в седле.

«Как пахнут морем и жасмином...»

Как пахнут морем и жасмином
Мои латышские духи!
И вот, чтоб нравиться мужчинам,
Я ими брызнула в стихи.

Опять на голову свалилась
Одесской тёткою – весна,
И записная развалилась
Внезапно книжка. А она –
Как жизнь, пестрела, тёрлась, длилась...
Теперь вот новая нужна.

За новой книжкой, с новой стрижкой,
С приморским гулом в голове –
Прохладной, вежливой латышкой
Плыву по ветреной Москве.

...Рука частично перепишет
Непрочный том. Но он – прочтён.
Прощай, отца моих мальчишек
Ещё гусарский телефон!

А ты, весна, давай, вези нам
Узлы вокзальной толкотни,
Не дрейфь, топчись по магазинам,
Шибая привозным жасмином,
Хозяев из дому тесни!

1987

«Катятся праздники – лишь поспевай...»

Катятся праздники – лишь поспевай:
Пасха, субботник, а там – Первомай...

Только вчера отхрустели мацой,
Глядь – уже пахнет ванильной пылью.

В булочной запись идёт на кулич,
Архиерей выверяет свой спич,

Бабушки в гетрах сидят во дворе,
Речи ведут об озонной дыре.

Господи! Вот оно, царство Твоё –
Двууглекислородное наше житьё.

Отче Всеблагий, прости нам опять:
Воздух насущный не дай растерять.

Вешним дыханьем да входит в уста
Пасха, наставшая после поста.

Иже еси
На небеси –
Пенье церковное
По Би-би-си.

1988

«Я говорю себе: ровней дыши...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.